

Кирилл
КАЗАНЦЕВ

ОБОРОТНИ В ЗАКОНЕ



**Я ПРИШЕЛ,
ЧТОБЫ СУДИТЬ**

СУПЕРКОП

Кирилл Казанцев
Я пришел, чтобы судить
Серия «Суперкоп», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949695
Казанцев К. Я пришел, чтобы судить : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58556-4

Аннотация

Если в среде насквозь коррумпированной полиции вдруг появится сотрудник, который объявит войну беззаконию, то его очень быстро сломают. Могут просто уволить по «несоответствию», могут подкинуть компромат и судить. А могут вообще подстроить автокатастрофу. А если у сотрудника стальной характер? Если он прошел закалку в ВДВ? Если он прекрасно стреляет, владеет приемами рукопашного боя, по-волчьи умен и хитер и при этом кристально честен? Именно такой лейтенант прибыл для прохождения службы в местный ОВД небольшого уральского городка. Он выбрал этот городок не только потому, что здесь царила махровая коррупция. Была и другая причина: много лет назад здесь при странных обстоятельствах погибла его мать...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Кирилл Казанцев

Я пришел, чтобы судить

Глава 1

Кажется, впервые за долгие годы Антон Копяев обратил внимание на то, что существуют на свете какие-то приятные вещи, которые не укладываются в созданную им схему жизни «нужно – не нужно». Как приятно, оказывается, просто вот так лететь по трассе на машине, подставляя лицо встречному ветру. Именно на обычной отечественной «десятке», без всяких наворотов в виде кондиционера. И очень здорово, что за рулем не ты, – можно не думать о дороге, других машинах, а просто ощущать кожей прохладу, вдыхать ароматы уральской природы и чувствовать, как постепенно отпускает напряжение последних месяцев.

Двадцать пять лет – обычно это весьма безмятежный возраст. Кто-то успел послужить в армии, потом с наслаждением отдохнуть от нее пару годков и уже после начать подумывать о дальнейшей жизни. Кто-то успел куда-то поступить, получить какую-то специальность и даже узнать, как это во взрослой жизни все устроено. Кто-то умудрился жениться и уже почесывал в затылке – а не поспешил ли? В жизни еще столько интересного осталось, а тут дом, пеленки и капризы жены.

Антон Копяев был человеком иного склада. Цель он себе поставил четко и однозначно еще десять лет назад. И целых десять лет, с упорством далеко не юношеским, к этой цели шел.

Водитель «десятки» оказался человеком словоохотливым. На любую тему он мог говорить сколько угодно, практически пока не появится новая тема. Антон подумал даже о том, что если этого человека запереть в абсолютно изолированную камеру и обеспечить ему настоящий сенсорный голод, то и здесь он молчать не будет, несмотря на отсутствие поступающей информации.

Вот и сейчас, когда не было встречных машин, не приходилось сбрасывать скорость и тащиться за очередным перегруженным дальнбойщиком, он пускался в воспоминания. Темы находились самым чудесным образом. Вон легковушка стоит на опушке. А в прошлом году я бабу одну повез в лесок, чтобы ее... это... А там случилось... Или трактор показался в прогале между деревьями. И сразу шло воспоминание о том, что «у меня брат двоюродный в деревне живет, он на тракторе работает...».

Ну а уж после того, как он выяснил, что Антон в ВДВ служил, полилось словно из рога изобилия. Антон слушал, хмыкал, поддакивал, а думал о своем.

– Ну, вот здесь мы и свернем. – Довольный водитель сбросил газ и плавно свернул на узкий асфальт какой-то второстепенной дороги. – Разница километров в сто, дорога терпимая. А если учесть, что все «фуры» по «федералке» идут, пойдем мы с ровной скоростью и через два часа будем в Каменске как миленькие.

– А вы по ней уже ездили? – поинтересовался Антон. – А то, может, без экспериментов?

Водитель одной рукой вытащил из бардачка сложенную карту области и бросил Антону на колени:

– Какие эксперименты, парень, на, смотри, я всю область исколесил вдоль и поперек. Такие дороги знаю, что ого-го! А главное, знаю, где зверь мигрирует. – Это слово мужик выговорил с особым смаком. – У нас ведь только на федеральных трассах знаки ставят «осторожно – дикие животные», а на второстепенных да районного значения каждый сам должен кумекать. Знаешь, что с машиной будет, если даже на шестидесяти километрах с

лосем столкнешься? Это как с бетонной стеной. Только стена через тебя не полетит, она тебе «морду» сплющит. А лось, он ведь через крышу полетит. Тут тебе и лобовое стекло вдребезги, и стойкам хана, и крышу до сидений сомнет, да еще и багажнику достанется. После встречи со зверьем машины восстановлению не подлежат. Я вот помню осенью у нас случай был...

И начался новый рассказ из богатой случаями жизни. Антон усмехнулся про себя и стал разглядывать карту, а вот на дорогу впереди посматривал с некоторым беспокойством. Он ведь тоже был уроженцем этих мест и прекрасно знал, что Средний и Северный Урал – одни из немногих мест, где до сих пор еще выдают охотникам лицензии на отстрел, например, медведей. Машина летела в глубоком зеленом коридоре из высоченных сосен. Лента асфальта плавно извивалась, то поднимаясь вверх, то ныряя в глубокие седловины. На таких спусках приятно захватывало дух. Совсем как на парашютных тренажерах.

– Ешкин кот! – подался всем туловищем вперед водитель и практически лег грудью на руль, всматриваясь вперед. – Вот тебе и сказки! Дорассказывались.

Впереди метрах в двухстах лежала на боку машина и что-то заметно дымилось. Еще одна, похоже иномарка, стояла рядом, возле нее сутились люди. Водитель свернул на обочину и резко затормозил. Антон первым выскочил из кабины и бросился к молодым мужчине и женщине, которые копошились над распростертым телом, одетым в зеленую униформу. Только теперь Антон понял, что на боку лежала инкассаторская машина.

– Что тут случилось? – быстро спросил он, подбегая к растерянным людям. – «Скорую» вызвали?

– Тут низина, мобильники не берут, – раздался рядом еще один мужской голос.

Из-за инкассаторской машины вышел пожилой мужчина в резиновых сапогах и длинном плаще.

– По-моему, он умер, – всхлипнула женщина. – Я пульс не нахожу, и зрачки на свет не реагируют. Он столько крови потерял.

Антон посмотрел на лежавшего на земле инкассатора, которого, судя по всему, только что вытащили из разбитой кабины. Человек, безусловно, был мертв.

– Как грохнуло впереди, – стал рассказывать мужчина, поднимаясь с корточек, – ну, думаем, авария. Выскочили за поворот, смотрим, тут дым клубится, и колесо еще чуть-чуть вращается. Непонятно, что у них такое случилось? Мы в кабину, а тот лежит с открытыми глазами, и кровища везде. А этот еще дышал, только судорожно как-то. Хорошо, жена медик, давай, говорит, его вытаскивать, кровь останавливать. Она ему рану на шее зажала, а там уже и пульса нет.

– Взрыв был, – показал Антон на пятно раскрошившегося и закопченного асфальта. Приподнялся на цыпочках и заглянул на боковую дверку, которая теперь стала верхней. Та часть, где раньше был замок, теперь топорщилась черным обгорелым и рваным металлом. – Дверь взорвали, – добавил он. – Это ограбление.

– Ясное дело, – вдруг согласился «грибник». – Как полыхнуло, машину сразу и кинуло поперек дороги, а потом она и на бок легла. Те из леса выскочили, подбежали и через переднее стекло из чего-то в кабину стрелять начали. Только не громко. А один наверх залез и тут же вниз спрыгнул. Оно еще раз грохнуло...

– Понятно! – перебил Антон. – Сколько их было? На чем уехали?

– Трое. Только не уезжали они.

– Как не уезжали? – опешил водитель «десятки» и сразу стал оглядываться по сторонам.

– Они вон туда побежали, – указал вправо в сторону леса грибник. – По мешку схватили и бежать.

– Слушай, – схватил водителя за плечо Антон, – дуй за полицией. А еще лучше, попробуй, когда из низины выедешь, вызвать по телефону. А вы, ребята, тут побудьте, вы же важные свидетели.

– Эй! – с тревогой в голосе воскликнул водитель. – Ты чего удумал, парень? Опомнись!

– Нормально все, – отмахнулся Антон. – Я за ними. Не могут же они все время лесом уходить. Километра три или четыре, а потом – проселок, наверняка их там машина ждет. Давайте! Полиция приедет – вы их сориентируйте в направлениях. Я пошел!

Антон глубоко вдохнул, плавно выдохнул и побежал к лесу. Два шага – вдох, два шага – выдох. Он выбирал дорогу таким образом, чтобы не делать резких поворотов, чтобы бег был максимально плавным, а не «рваным». Сейчас главное – не торопиться, а внимательно смотреть на следы преступников, которые те неизбежно оставили. Вряд ли у них была специальная подготовка, и еще у них за плечами мешки, которые норовят зацепиться за ветку, за ствол дерева, за куст.

Вот! Антон ясно увидел на слежавшейся опавшей хвое между соснами места разного цвета. Верхний слой хвои светлый, высохший как сухарь, а всего сантиметром глубже хвоя прелая, поэтому более темная. Чуть пятку неаккуратно поставил, чуть носком обуви зацепил и тут же вывернул небольшой пласт лесной подстилки. А вот и сухой сучок под чьей-то ногой сломался. Что и требовалось доказать. Направление выбрано верно, а дальше пойдет лес гораздо гуще, там они столько следов оставят, что и слепой найдет.

Сейчас Антон бежал в режиме кросса. По относительно ровной местности за тридцать пять минут он в состоянии пройти в таком темпе пять километров. Но здесь придется лавировать среди деревьев, перепрыгивать через упавшие стволы, продираться сквозь кленовый подрост, через кустарники. Темп упадет. Но и у преступников он упадет, так что в любом случае скорость у него вдвое выше.

Антон вспоминал карту, которая так удачно попала в руки совсем недавно, и высчитывал. С момента нападения прошло... нет, с того момента, как преступники бросились в лес, прошло минут пятнадцать. С их скоростью им этот лесной массив не преодолеть быстрее, чем за час. А ему минут за тридцать. Значит, он их достанет минут через пятнадцать, и никак не позже. Главное, не дать им выйти к шоссе, которое идет с противоположной стороны массива. Два шага – вдох, два шага – выдох. Правильную установку он себе в жизни сделал – уметь надо все, готовым надо быть ко всему. Вот и пригодилась школа десантуры. Что и требовалось доказать. Хотя школа была еще та...

– ...еще раз повторяю для особо тупых! – Здоровенный детина с сержантскими лычками и бочкообразной грудью, обтянутой полосатой майкой, угрожающе обвел взглядом «салабонов». – Слушать сюда! Резкий разбег, нога вот сюда, в центр стенки, толчок, и руки идут вверх. Сразу выходите на упор сверху. Оперлись, нога пошла на переброс, и прыжок. Показываю!

Сержант с неимоверной для его габаритов и веса скоростью разбежался. От удара ноги в центр дощатой стенки она завибрировала, как фанерный щит, а сержант был уже наверху. Каким чудом его огромное тело забрасывалось с такой легкостью над препятствием «стенка», было непонятно. Команда, и взвод рванул на преодоление. Неудача, неудача, четверо перед Антоном соскользнули вниз, так и не выполнив упражнения. Он стиснул зубы и побежал вперед. Черт! Нога соскользнула, руки ухватились за верхнюю кромку, но телу инерции уже не хватило. Стукнувшись коленкой, он спрыгнул на землю.

Наказание последовало всему взводу, хотя человек восемь смогли упражнение выполнить. Закон десанта – делают все! Километровая пробежка в наказание для вымотанных солдат, казалось, добьет всех. Но они пришли к финишу все вместе, хотя и пришлось волоочь под руки троих особенно слабых. Это они уже умели. Ничего не умели, а бегать умели. Три

километра каждое утро на физзарядке, километр за полтора часа перед обедом и километр за полтора часа перед ужином. Это не считая ночных тревог с «выдвижением в район сосредоточения» и дважды в неделю марш-бросков на пять километров.

После ужина личное время, и сержанты очень зорко следили за тем, кто и как его проводит. Антон всегда проводил его одинаково. Он упорно делал и делал то упражнение, которое у него не получилось сегодня или вчера. До полного изнеможения, стиснув зубы, иногда до крови, но добивался того, чтобы у него получалось. Его никто не хвалил. Ни за то, что он был выносливее всех в беге, ни за то, что непобедим в рукопашной, так как уже ко времени призыва имел за плечами два года напряженных тренировок в секции восточных единоборств. Никто не хвалил, потому что ему доставалось больше других: заниматься по вечерам с отстающими по рукопашному бою, тащить на себе тех, кто выдохся во время кросса или марш-броска. Закон десанта – умеют все. Умеешь что-то лучше других, значит, помоги тому, кто умеет хуже. Десант своих не бросает.

Но, странное дело, Антон не слышал похвал со стороны командиров, зато слышал упреки со стороны тех, кому помогал в ущерб собственному отдыху. «Прогибаешься», «выслуживаешься», «на хрен тебе это надо». Объяснять никому ничего Антон не собирался. Он учился всему, чему в этот момент жизни и в этом месте мог научиться. Учился с упорством маньяка, потому что у него была цель, и Антон пер к ней как танк, ломая деревья и разнося по бревнышку деревенские избы. Только ломал не избы и не деревья, он ломал себя.

А потом случился тот самый день. Это было уже в конце срока его службы, во время учений, а точнее, плановой проверки результатов летнего периода обучения в войсках. Разведроты 134-й десантно-штурмовой бригады, в которой служил Антон, была выброшена в бескрайних просторах тайги с задачей преодолеть по тылам противника определенное расстояние и выполнить определенную разведывательно-диверсионную задачу. Один взвод должен был имитировать атаку на батарею тактических ракет, а второй – захватить и удержать железнодорожный и автомобильный мосты. Но самая трудная задача предназначалась для третьего взвода. Он должен был раствориться в тайге и выйти к определенному объекту, не сбившись с пути и к определенному времени. И не дать себя обнаружить раньше срока, и не попасть в засады, и уйти от возможного преследования. Закончиться этот рейд должен был боевыми стрельбами.

А в начале следующего дня заработала рация, включенная на режим приема. Да еще открытым текстом.

– Зацепин, где ты сейчас находишься? – последовал вопрос командира бригады.

– Виноват, не понял? – ответил командир роты капитан Зацепин и весело подмигнул своим бойцам, отдыхавшим полукругом вокруг него на дне распадка.

– Твою... – командир бригады сдержался, помолчал секунду и продолжил: – Задача тебе отменяется в связи с чрезвычайными обстоятельствами. В районе ЧП. Несколько особо опасных преступников совершили дерзкое нападение на местное отделение банка. Есть жертвы среди гражданского населения и сотрудников МВД. Мы должны оказать помощь местным органам, и ты со своими орлами сейчас находишься ближе всего к нужной точке.

– Понял вас, – хмуро ответил Зацепин. – Нахожусь в квадрате...

Антон сидел рядом с капитаном и слышал все слово в слово. Потом командир отключился и обвел взглядом двадцать восемь своих бойцов.

– Ребята, учения отменяются, – не очень громко сказал он. – Нам поставлена не учебная, а боевая задача. Группа вооруженных бандитов пытается скрыться в тайге и выйти к железной дороге. Если им это удастся, они останутся безнаказанными. Мало того, что они уносят с собой большие ценности, у них на руках еще и кровь невинных людей, граждан,

которых мы с вами поклялись защищать. Вот и пришло время выполнить клятву. Слушай приказ!

Антон смотрел на сослуживцев. Кажется, никто не обрадовался, что не будет участвовать в боевой операции. Капитан приказал сложить все имущество взвода и оставить пятерых для его охраны.

– Почему мы, товарищ капитан? – в нарушение всех уставов насупились десантники, которым выпала эта участь.

– В другое время я бы вам за такие вопросы вкатил по... – Зацепин посмотрел парням в глаза. – Я не знаю, сколько времени вам тут придется сидеть. В любом случае до тех пор, пока за вами не придет эвакуационная партия. Вы – лучшие в вопросах выживания, вы сибиряки. Других я просто побоялся бы оставить на несколько дней с запасом пищи на два дня. К тому же не исключено, что на вас могут выйти бандиты, если они разделятся. Получите патроны, из расчета по магазину на человека, и будьте внимательны. Теперь – остальные. С собой взять только полные фляжки с водой и боевые патроны.

Десантники слушали и хмурились. Задача преодолеть к концу дня расстояние в двенадцать километров, выйти в нужную точку на возможном маршруте преступников выглядела бы не очень сложной. К концу дня такое расстояние можно пройти, поплеывая семечки, похлопывая себя по ноге прутиком и сделав два привала с приемом горячей пищи. Можно, но только не в тайге, где нет дорог, где весь лес практически непроходим, за исключением русел ручьев и речушек, некоторых распадков и балок. Да и эти таежные дороги не так легки для передвижения, как кажется.

– Смотрите, – провел карандашом по карте капитан, – вот две точки. Ждать никого не будем. Кто выдохнется, подвернет ногу, кого хватит тепловой удар – все собираются в этой точке на излучине реки, где широкая отмель, или в этой, где прошлогодняя гарь. Оттуда вас эвакуируют вертолеты. Остальные идут за мной ноздря в ноздрю. Учтите, бой, возможно, придется принимать прямо с ходу.

До конца выдержали этот безумный кросс восемь десантников, не считая командира роты. И вот так же Антон бежал, каждый раз выбирая, куда поставить ногу. Два шага – вдох, два шага – выдох. По мокрым окатышам на берегу, по хрустящей каменной мелочи и влажной траве. Потом подъем, все выше и выше по склону сопки, затем бег сменили на шаг, дыша с шумом, как киты на мелководье, только с хрипом, и вниз по другому склону сопки, к распадку.

Выйдя на точку, все дружно попадали на траву. И капитан осипшим голосом, с трудом ворочая опухшим языком в сухом, как засыпанный песком колодец в пустыне, рту приказал занять позиции, назначил наблюдателей. И они, уже будучи не в состоянии подняться на ноги, расползались по своим местам. И Антон видел, как у всех страшно вздымаются бока под мокрым камуфляжем. Вздымаются и опадают. Он и сам дышал точно так же. А еще у него дрожали ноги. Но он единственный тогда поднялся, сделал несколько шагов и сел за замшелым камнем, обзревая свой сектор обстрела.

Тогда, наверное, впервые командир его отличил, потому что Антон Копеев был в самом боеспособном состоянии.

– Антон, – хрипло позвал он, одобрительно кивнул и добавил: – Повнимательнее там, Антон.

Это было сказано так, что стало ясно, здесь, на этом секторе надеются только на него. Потом все было просто. Капитан Зацепин вполне отдавал отчет в том, что остатки его взвода находятся не в самом лучшем состоянии и применить в полной мере свои боевые навыки вряд ли смогут. В полной не смогут, но смогут сделать главное. На них к вечеру вышли шестеро. Злые, уставшие, оборванные, эти шестеро тащились с автоматами и нарезными карабинами. Антон хорошо видел, что двое несли зеленые брезентовые банков-

ские мешки. Потом прозвучала команда «огонь». Зацепин приказал стрелять сразу на поражение, взяв на себя ответственность, а ведь в принципе это могли оказаться и местные охотники. В принципе, с долей вероятности хотя бы в один процент.

Но оказались именно те, кого они ждали, и они положили их всех. А потом еще двое суток ждали, когда придут опергруппа и омовцы. Двое суток рядом с трупами бандитов, имея только остатки воды и возможность развести костер.

Антон все это сейчас вспомнил потому, что ситуация была очень схожей. Тогда он убедился, что подготовил себя на все пять баллов, был горд собой и не рефлексировал по поводу того, что только что стрелял в людей и точно убил двоих. Он тогда очень хорошо сознавал, что это бандиты, убийцы, а себя сознавал защитником, правомочным применять оружие, карать.

Антон уже трижды переходил на быстрый шаг и становился с каждой минутой все внимательнее и внимательнее к окружающему его лесу. У него все еще получалось бежать, практически не издавая шума, – подготовка разведчика давала о себе знать. Насколько он помнил, дорога, к которой могли стремиться преступники, должна была проходить примерно с северо-запада на юго-восток. На юго-востоке она упиралась в екатеринбургскую трассу, а на северо-западе имелись как минимум две развилки местного значения. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить, что уходить нужно именно на северо-запад. Отследить неизвестную машину в том районе будет потом очень сложно.

И Антон прибавил шагу. Ему еще удавалось держать дыхание в определенном ритме, он еще не чувствовал особой физической усталости, но признаки ее могли появиться уже скоро. А ведь он не вооружен, значит, предстоит рукопашная схватка. И еще у Антона появились сомнения, что он идет по правильному следу. Интуиция подсказывала, преступники могли разделиться, и их могла ждать не одна машина, а две или даже три. И он стал забирать немного правее. Если уж не задержать, так заметить марку машины, номер.

Мужика лет сорока он увидел сразу, как только березняк стал немного реже. Серо-зеленая ветровка развевалась и цеплялась за ветки. Свой мешок он то вскидывал на плечо, то хватал в охапку. И еще было видно, что он устал. Антон сделал рывок и сократил расстояние до преступника метров до двадцати. И в этот момент мужик обернулся. Антон встретился с его глазами и, к своей радости, прочитал в них недоумение и злобу. Недоумение, непонимание всегда делает человека слабее, безоружнее. Это учителя в него вбили крепко, а злоба мешает сосредоточиться, собраться, сконцентрироваться. Нужно обладать поистине ледяным спокойствием, чтобы уметь побеждать в любых обстоятельствах и находить выход из любого сложного положения. Это Антон тоже давно усвоил. Правда теоретически, потому что применить все свои знания на практике у него возможностей почти не было.

Мужик оглянулся еще пару раз, убедился, что расстояние между ним и этим высоким светловолосым парнем сокращается, и остановился. Точнее, сбросил мешок и стал топтаться на месте, то вскидывая, то опуская руки. Значит, запыхался до предела, понял Антон.

– Кто ты такой, б...? Че те надо? – с трудом переводя дыхание, потребовал мужик, и в его руке мелькнул черная вороненая сталь пистолета.

– Оружие брось, – холодно произнес Антон, тоже остановившись, но стараясь держаться вблизи толстых стволов.

– А ты иди сюда... и возьми... ты мент, что ли?

– Брось оружие, по-хорошему прошу, – твердо продолжал Антон, бегая глазами по лесу в поисках признаков появления дружков бандита.

– Да я те в... – Мужик изрыгнул грязное ругательство и вскинул руку с пистолетом.

Антон быстро отпрыгнул за толстый сдвоенный ствол березы, и тут же ощутил, как ствол загудел от удара в него пули. Большая щепка, выбитая второй пулей, отлетела далеко

в сторону. Антон присел и перекатился, прикрываясь широкой комлевой частью дерева за кустарник. Мужик, осатанев от его наглости, ринется сейчас его убивать. Можно и убежать, делая зигзаги, вряд ли он в таком состоянии попадет, понимал Антон, но времени на эту беготню потеряется очень много. А нужно сделать все быстро и качественно, их еще двое где-то там впереди.

Разозленный бандит в самом деле появился через пару секунд. То и дело вытирая потное лицо рукавом, он выскочил со стволом наперевес и стал озиаться в поисках молодого дурака, которому жить надоело. Антон был уже наготове. Удобный камень размером с кулак хорошо лежал в ладони. С пяти метров промахнуться сложно, а если и промахнешься, всегда можно юркнуть за деревья.

Камень вырвался из руки с каким-то даже шелестом, как показалось Антону. Короткий неестественный стук, и камень, отскочив от головы бандита, упал на траву. Мужик дернулся от сильного удара в левую часть лба, пошатнулся и схватился обеими руками за лицо. Между пальцами потекла кровь. Пистолет вывернулся из руки бандита, повисел с секунду на указательном пальце и упал. Антон понял, что достиг цели, и рванулся вперед. Мужик что-то проговорил со стоном, сделал шаг назад, но кулак Антона врезался ему в челюсть крюком сбоку.

Теперь все быстро, думал Антон, не спеши, но делай быстро. Он схватил мужика за воротник и подтащил к не очень толстой березе. Теперь шнурки. Очень удачно, что этот тип нацепил армейские высокие ботинки – берцы. Шнурки длинные, как раз то, что надо. Антон вытянул шнурки, связал их вместе и, усадив бандита спиной к дереву, завел ему руки назад. Шнурки не очень прочная вещь, но, если ограничить связанному человеку доступ к своим рукам, все получится. Он свел мужику руки по другую сторону дерева и связал кисти длинным шнурком. А вот для того, чтобы тот не перетер вязки о кору дерева, есть другой способ у разведчиков – руки пленника нужно «подвесить». В данном случае это можно сделать буквально.

Вытащив из брюк бандита ремень, Антон просунул его под связанные руки и захлестнул за нижний небольшой сучок дерева. Все, теперь рук не опустить и без посторонней помощи не освободиться. Подхватив с земли выроненный бандитом пистолет, он на ходу выдернул магазин – практически полон.

Еще около пяти минут бега, но теперь Антон уже не терял времени и направился прямо к дороге. Дружки связанного им преступника наверняка слышали выстрелы. В их положении они должны отнестись к этому однозначно – как к сигналу опасности, который подтолкнет их к еще более энергичному бегству.

Вот и дорога! Антон выскочил на асфальт и... И что теперь? Он беспомощно топтался на месте, не зная, что предпринять. Где их искать, куда они могли направиться? Черт! Возвращаться, отвязывать пленника и конвоировать его назад, к разбитой инкассаторской машине? Взял одного, и это уже хорошо.

Рокот мотоциклетного двигателя вывел его из задумчивости. Мотоцикл! Ну, конечно, на чем же еще! На мотоцикле по грунтовкам, по просекам, по редколесью можно уйти куда угодно и замести следы. Только откуда раздается звук? Антон прислушался и принял решение. Теперь он рванул с места с максимальной скоростью, на которую только был способен, мчась по краю дороги и пытаясь определить расстояние до источника звука. Попутно он сделал вывод, что звук мотора несколько необычен, скорее всего, это кроссовый мотоцикл. Хорошо, вещь заметная.

Узкая полоска травы между деревьями хранила еле заметные следы колес автомашины. Неприметный съезд с дороги, но именно оттуда и раздавался звук мотоциклетного мотора. Антон свернул с шоссе и побежал по тропинке в лес. Мотоцикл стремительно приближался,

и пора было подумать о том, как его остановить. В крайнем случае можно было начать стрелять из пистолета.

Мотоцикл с высоко задранными крыльями и ребристыми колесами выскочил из-за поворота и понесся прямо на Антона. Молодой парень сидел на нем сгорбившись, или это так казалось, потому что за его плечами виднелся обыкновенный зеленый брезентовый рюкзак. Антон замахал руками, стоя посреди тропы, но мотоциклист даже не сбросил газа, а только, кажется, прибавил скорости. Ну, ты сам этого хотел, подумал Антон со злорадством. Тот сук, возле которого он остановился, был самым лучшим орудием, которое в этой ситуации только можно придумать.

Антон отскочил на край тропы, одновременно нагибаясь. Секунда, и сук уже в его руках. Со всей силой он буквально вонзил его в переднее колесо между спицами. Раздался ужасающий треск ломающейся древесины, легкий гоночный мотоцикл, переднее колесо которого заклинило, с ревом вскинул задом, и его швырнуло вбок. Вопль, грохот железа, рев мотора, бешено вращающееся заднее колесо. Антон даже испугался, что изувечил преступника, на которого грохнулся его же мотоцикл.

Человек слабо шевелился и постанывал. Антон кинулся к нему, однако было и так понятно, что парень ничего себе не сломал, а просто оглушен падением. Антон распустил тесемки рюкзака на его спине и увидел торчащий боком специфический материал с нанесенными на него символами – банковский мешок. Стащив с преступника рюкзак, он проделал с ним ту же процедуру, что и с предшественником. Только шнурки кроссовок оказались покороче и пришлось дополнительно стягивать за спиной еще и локти брючным ремнем. Парень уже пришел в себя и молча сносил процедуру связывания. Наверное, он посчитал, что Антон из местного уголовного розыска и задавать вопросы просто бессмысленно.

Теперь о третьем преступнике нечего было и думать. Вскинув рюкзак на спину, Антон стал подгонять связанного парня и повел его к дороге. Он попробовал воспользоваться мобильником, но аппарат по-прежнему «не видел» сети. Значит, ждать. Чего-нибудь.

Однако ждать долго не пришлось. Уже издалека он увидел белую «семерку» с проблесковым маячком на крыше. ГИБДД, тоже вариант, потому что у них есть радиосвязь. Антон уложил преступника на землю на краю дороги, бросил рядом рюкзак и вышел на асфальт, подняв руку.

Судя по внимательным напряженным взглядам двух старших лейтенантов, они были уже в курсе нападения. Антон понимал их состояние, поэтому старался вести себя спокойно, без суеты и держать руки подальше от тела. Офицеры вышли из машины, причем один сразу прихватил с собой автомат.

– Лейтенант полиции Копяев, – представился Антон. – Я ехал со знакомым по трассе, когда мы наткнулись на разбитую машину и услышали от свидетелей о совершенном нападении. Это, – кивнул он на связанного парня, – один из преступников, я сбил его с мотоцикла в лесу. Часть похищенных денег в рюкзаке. Там же, в лесу, связанный второй преступник. А третий, если их было трое, сейчас где-то в этом районе.

Пока один из полицейских угрюмо слушал Антона, держа автомат практически нацеленным на него, второй молча вернулся в кабину и взял за рацию. Антон зря надеялся на связь, автомобильная рация здесь тоже не брала. Из динамика слышался только треск да обрывки слов. К счастью, слева на спуске показалась еще одна полицейская машина. Майор, приехавший на ней, проверил документы Антона, забрал у него пистолет и отправил своего водителя подняться на машине повыше, чтобы связаться с руководством операции. Через полчаса на обочине стало шумно.

– Ну, ты орел, лейтенант, – хлопал Антона по спине командир омоновцев, задрав на лоб свою черную вязаную шапку-маску с прорезями. – Тебя нам просто Бог послал. И главное, как четко по следу-то шел. Еще бы пара минут, и упустил бы ты их. Орел!

Антон терпеливо сносил фамильярности и ждал, когда ему можно будет двигаться дальше.

– Слушай, это вас где так учат? Ты откуда выпустился?

– Из Екатеринбурга, – ответил Антон, – Уральский юридический институт МВД России.

– В этом году, что ли, свежий?

– Ну да.

– Во, смену нам растят в полицейских вузах! – повернулся омоновец к своим бойцам. – Можно и на пенсию собираться.

Бойцы шумно засмеялись. Антон продолжал молча и терпеливо ждать, глядя на этих молодцов с квадратными фигурами.

– Слушай, Копаев. – Омоновец вдруг стал серьезным: – А давай ко мне!

– У меня распределение, – заметил Антон.

– Да хрен с ним! Вот тоже проблема. Главное, чтобы было твое согласие, а с руководством мы порешаем. Нет таких проблем, которые мы не смогли бы решить! Переделают тебе направление, а мне такие орлы ох как нужны. Это же пять километров пройти и не ошибиться. И дышалка у тебя что надо, и мозги работают. Взял ты их целыми, а не по частям, хотя и имел полное право.

– Видите ли, товарищ капитан, – вежливо ответил Антон, – я только начинаю службу. Мне бы не хотелось ограничиваться опытом, для которого нужны ноги и мышцы в первую очередь. Не обижайтесь, пожалуйста. Ваша специфика ведь силовые операции, а я хочу научиться большому. И поэтому начать хочу с самой простой и обычной полицейской работы в районном управлении на «текучке». Думаю, там и ноги понадобятся, и руки, и голова.

– Там все понадобится, – со смехом согласился капитан, – а особенно шея, задница и сковородка для нее. Ну, будь, Копаев! Надумаешь, обращайся. Звони прямо мне. Не забудь – капитан Ильин.

Антон кивнул и пошел к машине. Все его вещи, уместившиеся в две большие спортивные сумки, терпеливо ждали на заднем сиденье «десятки». Его полицейская форма с лейтенантскими погонами, бережно укрытая чехлом, висела на плечиках. Ну, вот, усмехнулся он, служба почти началась.

– Слышь, земляк, – подошел сзади водитель «десятки». – Оно, конечно, обстоятельства непредвиденные, и ты как бы герой тут. Только ты и меня пойми. Три часа потеряли почем зря, я бы за это время, знаешь...

– Сколько? – коротко осведомился Антон, поняв, куда клонит нанятый им «частник».

– По времени, так, считай, вдвое.

– Ну, значит, вдвое. Поехали.